

Федор Александрович Эмин

**Путь ко спасению или
Разные набожные
размышления**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э55

Э55   **Эмин Ф.**
Путь ко спасению или Разные набожные размышления / Федор Александрович
Эмин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 300 с.

ISBN 978-5-521-39171-4

ISBN 978-5-521-39171-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ другой онаго бережется, слѣдовательно чрезъ свѣданіе зла онаго боится, а не природа его опъ онаго отвлекаетъ; но такое ихъ мнѣніе больше подкрѣпитъ, нежели опровергнетъ мою мысль. Я паковымъ скажу въ опвѣтъ: ежели ребенокъ, разъ ожогшись, въ другой огня боится, и ежели скопъ, разъ увязнувъ въ грязи, вдругоредъ оную кругомъ обходитъ, то для чего же человекъ не только разъ, но многократно въ злѣ упражняясь, онаго не опасается, и какъ слѣпой бредетъ въ то мѣсто, въ копоромъ столько разъ понулъ? по чему же человекъ въ томъ случаѣ безумнѣе живописныхъ, ежели не по тому, что чрезъ привычку свою къ злу, столько къ оному прилипаетъ, что почиаетъ оное за свое добро, и превратнымъ своимъ разумомъ силился перемѣнить всякой вещи насущее существо. Не довольно ли намъ явно свойство обиды? кто о томъ сомнѣвается, что она есть великимъ зломъ, когда кто намъ оную окажетъ? за чѣмъ же она не столько вредною намъ кажется, когда мы ее оказуемъ другимъ? Многіе сыщутся такіе, кои ее за добродѣтель почищаютъ, называя оную или героическимъ, или справедливымъ опмщеніемъ, либо предупрежденіемъ своей опасности. Вотъ куда злонравныя обращенія сего свѣта влекутъ человѣческую природу, хотя она сама чрезъ себя къ добру наклон-

VI

няется! Естли такой нечувствительной человекъ въ свѣтѣ, копорой бы взявъ въ руки свои оружіе съ намѣреніемъ лишишь ближняго своего жизни, чпобъ сердце его не чувствовало боязни, либо смущенія? опъ чего же оной въ сердцѣ его раждается ужасъ, ежели не опъ того, чпо природа наша чувствую свое зло, онаго ужасается? напротивъ того, естли мы добро кому нибудь оказашъ намѣрены, или когда пворимъ какую добродѣтель; разсмотримъ каждый себя, и увидимъ, какое послѣ исполненія оной сердце наше наслаждается спокойствіе, и можетъ ли оное сыскать человекъ порочной? Изъ чего слѣдуетъ, чпо природы нашей общій конецъ добро, когда сія въ ономъ находишь свое увеселеніе, а порокъ пропивная ей вещь, когда оную неудовольствіемъ наполняетъ.

Не хочу я тому противорѣчить, чпо нынѣ по большей части чувствительность наша большее ощущаетъ зло, нежели добро. Извѣстно мнѣ изъ опытовъ, чпо больше мы беспокоимся самомалѣйшею обидою, нежели довольствуемся большимъ благодѣніемъ, и чпо скорѣе мы готовимся опмстить первую, нежели воздасть послѣднее. Знаю я, чпо малая болѣзнь больше беспокоитъ чувствія наши, нежели услаждаетъ оныя совершенное здравіе, и чпо наказаніе за зло гораздо чувствительнѣе

человѣку, нежели воздаяніе за добро. Но по смѣло утверждаю, что такое великое различіе между чувствительностію нашею произошло отъ привычки къ злу; и поелику большая часть людей больше въ злѣ, нежели въ добрѣ обращается, то чувствительность человѣческая больше зло, нежели добро ощущаетъ, къ первому привыкнувъ, а отъ послѣдняго чрезъ рѣдкость упражненія въ ономъ отвыкнувши. Знаешь ли по той причинѣ все предвидящая, вездѣ присутствующая, и все обнимающая мудрость Божія, созерцающая человѣческія склонности, несовершенства, заразы и погрѣшности, соизволила въ древнемъ завѣтѣ по большей части угрозами чрезъ Пророковъ, и чудесными испытаніями отвлекать совращенной съ истиннаго пути народъ, и предвидя, что человѣку наказаніе чувствительнѣе воздаянія, наказывала сурово Богопреступниковъ.

Теперь намъ узнать осталось, какое средство можетъ исправить нашу природу, и сдѣлать ее столько чувствительною къ добру, сколько и къ злу. Вотъ священный Апостолъ Павелъ насъ учить, какое въ такомъ случаѣ самое лучшее средство, говоря: что будетъ спрашный Судъ, и что человѣку надобно съ трепетомъ объ ономъ разсуждать. (2. Кор. гл. 5. ст. 10 и 11.) Спрахъ есть самый лучший способъ для воздержанія себя самаго отъ зла. Свя-

VIII

пый Давидъ Пророкъ назвалъ его началомъ премудрости. (псал. 110. сп. 10.). Свяпый Товъ нарекъ оный наспоящею мудростію. А Сирахъ назвалъ ее вѣнцемъ и украшеніемъ человѣческаго разума. (гл. 28. сп. 28.) И подлинно боязнъ еспъ по самое полезнѣйшее лѣкарство, которымъ всѣ природы нашей непорядки исцѣлить можно. Кпо зла боится, поспъ почти уже опъ онаго удаленъ, по тому, что спрахъ еспъ сильнѣйшая въ человѣкѣ спраспъ. Слѣдовательно можетъ преодольтъ слабѣйшія спраспи, и тѣмъ преодольтіемъ сохранитъ опъ ихъ наглостей. Многіе, и почти большая часть ученыхъ людей утверждаеспъ, что любовь сильнѣе всѣхъ человѣческихъ спраспей. Но я съ ихъ мнѣніемъ согласиеспъ не могу, зная, что ученость свѣтскаго человѣка опъ пристраспія не свободена. Любовь, изображаемая въ романахъ, кажется бытъ превосходящею всю силу человѣческаго еспества; но еспли точно разсмотрѣтъ свойство ея, по она гораздо меньше силы имѣеспъ, нежели въ ней нашли спраспиями своими управлятъ не могущіе мудролюбцы; ктому бытъ почти не возможно, чтообъ кпо любилъ кого больше, нежели самаго себя, и по большей части человѣкѣ любить для того, что имъ любимая вещь ему самому великое приносиптъ удовольствіе. Ибо человѣку любить того не лзя, что ему

удовольствія не приносятъ; напропивъ
 много страхъ чловѣка опъ всякаго удо-
 вольствія опводитъ, и сколько бы по-
 лезности какая нибудь вещь ему ни обѣ-
 щала, еспли сильная боязнъ въ желаніе
 его вмѣшается, то онъ опъ вождельной
 вещи сильною боязнію часто отвлекаемъ
 бываетъ. Изъ чего слѣдуетъ, что боязнъ
 и собственную чловѣка пользу преодоле-
 ваетъ; слѣдовательно и любовь, копорая,
 какъ бы кто объ ней ни думалъ, по моему
 мнѣнію, не опъ чего инаго раждается, какъ
 только опъ мнимой чловѣческой пользы:
 ибо каждый означенною спраспїю заражен-
 ной думаетъ, что ничего для его полезнѣе
 нѣтъ, какъ достигнуть къ концу оной.
 Еспли мы о боязни и любви здраво раз-
 суждаемъ спанемъ, то увидимъ, что первая
 гораздо сильнѣе послѣдней. Сила не что
 иное есть, какъ возможность, что нибудь
 себѣ проотивное преодолевающая. И ежели
 обѣихъ спраспей концы изслѣдоваемъ воз-
 намѣримся, то увидимъ, что любовь не
 сколько имѣетъ возможности, сколько
 боязнъ. Мало ли кто чего не любитъ, но
 никоимъ образомъ ему къ любимому концу
 достигъ не лзя. Сколько людей любятъ
 богатства, однако всю жизнь со всею си-
 лою въ ипакон своей любви они жили, и
 померли въ крайней бѣдности? Кто не
 любитъ спокойствія, благополучія и удо-
 вольствія? Но коль мало есть тѣхъ, ко-

порые оныя имѣть могутъ. Напротивъ того безчисленное множесство есть пѣхъ, кои, боясь чего нибудь, страхомъ своимъ опъ того были удалены. Сколько дерзновенныхъ предпріятій сія усмирила страсть? И еспьли кпо съ почнымъ разсужденіемъ какого нибудь порока опасается, и будеть предвидѣть благоразсужденіемъ своимъ слѣдствія онаго, то рѣдко оной исполнишь. Ибо по тому по большей части человѣкъ шворитъ зло, что онаго не опасается, и тогда не видитъ ослѣпленной его разумъ слѣдствій онаго; слѣдовательно боязнь больше имѣетъ возможности, нежели любовь.

Теперь намъ разыскивать надлежитъ, чего человѣку надобно бояться? чшобъ оная боязнь наша раждалась опъ справедливости, а не опъ безпопребной трусости: ибо по малымъ только ребятамъ прилично пугаться собшвенныхъ своихъ мечпаній, кои ничего не значатъ. Вошъ Сирахъ изрядныя боязни намъ предлагаетъ предметы. Ежели мы будемъ, говоритъ онъ, всякому человѣку послѣ жизни своей неминуемая вещи, то есть, смерть, спрашшной Судъ, во всегдашней нашей содержатъ памяти, то почти согрѣшитъ не можемъ. (гл. 7. ст. 39.) Съ нимъ въ помъ мнѣніи согласуется и Соломонъ, говоря: спрахъ Божій, есть крѣпкою пружиною жизни человѣческой, спрахъ Господень, продол-

жаешъ сей мудрецъ, естъ путемъ къ спасенію, и кпо онымъ страхомъ преисполненъ, томъ будешъ избавленъ отъ зла. (припч. гл. 19. сп. 15 и 23.) А свяпый Давидъ, зная боязни силу изъ упопребленія, явственно признаешся, что посредствомъ оныя заслужилъ милость Господню: *приклонихъ сердце мое сотворити оправданія твоя*, говоритъ сей свяпый, *помянухъ судьбы твоя отъ вѣка, Господи*. (псал. 118. сп. 112.) И мы, еспыли съ точнымъ разсужденіемъ безпреспанно разсуждаешъ будемъ о смерти, судѣ и адѣ, по всеконечно отъ великихъ грѣховъ милость Божія насъ освободитъ. Мы видимъ изъ опыповъ, что нѣтъ такой природы, которая бы не ужасалась смерти, когда кпо объ оной точно разсуждаешъ. Отъ чего же въ насъ такой ужасъ раждается? конечно не отъ чего инаго, какъ что насъ смерть съ жизнью сполько природѣ нашей природною разлучаешъ. Еспыли же для того смерть сполько чловѣку спрашна, что онъ мало-временную жизнь, и по разными прискорбностями наполненную перяешъ; какъ не ужаснушся его природѣ, еспыли онъ будешъ разсуждаешъ о спрашномъ Судѣ Господнемъ, отъ котораго вѣчное его благоденствіе и безконечное мученіе зависитъ? Ахъ! еспыли свяпые со страхомъ и препетомъ пойдутъ на страшный Судъ, какъ о томъ насъ Священное Писаніе увѣдо-

ХІІ

мѣяетъ, что же останеся дѣлать намъ, безчисленными грѣхами нагруженнымъ? ахъ гораздо бы лучше для человѣка было, чѣмъ въ то время всесвѣтныя горы на него обвалились, а чѣмъ и грѣхи его съ него сняты были. Какое сердце не утѣшилось адъ? сіе вѣчное опъ Бога и опъ благоденствія удаленіе? сіе безконечное мученіе и неукротимое перзаніе? и пакъ необходимо совращенному человѣку съ истиннаго пути надобно боязнію лѣчиться опъ того зла, коимъ душа его заражена, и еспли онъ будетъ бояться Суда Господня, то больше ему ничего опасаться не останеся, по мнѣнію святаго Давида. (псал. 111. сп. 1.)

Но какъ ни боязнъ, ни любовь, сіи двѣ сильнѣйшія въ человѣкѣ спраспи, не будутъ сильны безъ вѣрованія тому, чего мы опасаемся, и что любимъ: (ибо еспли мы тому не вѣримъ, чего опасаемся, или тому, что любимъ, то боязнъ и любовь наша скоро исчезнутъ) пакъ боязнъ наша, копорюу мы опъ душевныхъ грѣховъ исцѣляться должны, не будетъ сильна, ни полезна, еспли мы крѣпко не будемъ вѣрить тому, чего намъ опасаться должно. Но много было такихъ ученыхъ людей, копорыхъ я съумозбродцами называю, кои не только сомнѣвались, но и опровергали то, чего человѣку необходимо законы бояться повелѣвають. Такіе супоспаты, возгордѣвъ

быспроптою своего разума, споль испон-
чевали перомъ своимъ свящую испину,
что наконецъ совсѣмъ оную раздробили
такъ, что сами ее разобрать послѣ не
могли. Но ахъ!.. коль далеко простирается
ученаго человѣка продерзость, которымъ
не управляетъ добродѣтель! онъ разумомъ
своимъ возносится выше небесъ, лепаетъ
быспрыми своими мыслями повсему свѣту,
надѣется понѣстїю своего разсудка чрезъ
всю проникнуть природу, и прозорливо-
стїю своею видѣть ея состояніе. Но при
всемъ томъ онъ всегда на одномъ мѣстѣ
находится, небесъ не постигаетъ, при-
рода и понятїе естества отъ него уда-
ляются, и онъ подобенъ спящему чело-
вѣку, которой видитъ разные сны, а кон-
ца оныхъ постичь не можетъ.

Разсмотрѣвъ только исторїю и опи-
саніе жизней такихъ ученыхъ съумозбро-
довъ, а увидишь, благосклонный читатель,
что ни одинъ изъ нихъ добродѣтелию не
бывалъ управляетъ. Читая о Аріанѣ, о
Несціорѣ, о Апелинарѣ, о Оригенѣ, о Кар-
тезіѣ, о Маршинѣ Люшерѣ, о Угонѣ, о
Безѣ, и о множественныхъ иныхъ симъ по-
добныхъ мудрецахъ, которые богопрошив-
ными своими науками заразили свѣтъ; а
увидѣвъ можно, что всѣ они были люди
приспраспные, и роскошную жизнь любя-
щіе, а иныхъ изъ нихъ и за неистовыхъ
почесать можно. Всѣхъ мнѣнія по большей

часпи на вольности основаны, и они опровергають строгость законовъ, кою наше православіе наблюдають повелѣваетъ. Разсудите, прошу, естественнымъ образомъ: изъ котораго изъ слѣдующихъ ребящъ будетъ лучшая надежда, изъ того ли, коего они со всею строгостію воспитываютъ, или изъ того, котораго опъ рожденія на вольности оставяють, не препятствуя ему во всѣхъ не порядкахъ? конечно первой будетъ человекъ совершенъ, родителямъ послушенъ, и умѣренъ въ своихъ спрасяхъ; а послѣдній вспыльчивъ, невоздерженъ, презирающъ, вольноспрасенъ, и ко всему склонный. Слѣдовательно, потъ ли лучше законъ, которой человеку величь жить въ безпрестанной боязни Бога, приказываетъ любить ближняго, и которой и подумать о злѣ воспрещаетъ; или потъ, которой человекъ на полной власти оставляетъ, и только съ одною философіею согласоваться повелѣваетъ? безъ сомнѣнія каждой разумной человекъ первой предпочтетъ послѣднему. И естлибъ только философія была человеку закономъ, то большая часть людей были бы незаконными, по тому, что философовъ очень мало. Но естли и по философически о законъ разсуждаютъ, то оный необходимо для человека надобенъ. Философъ есть по неоспоримое положеніе, чпобъ человеку не для одного себя, но для всего